

Научная статья

УДК 165.42

ББК 87.22

doi: 10.47475/1994-2796-2023-10103

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕДОВЕРИЯ К ГУМАНИТАРНОМУ ЗНАНИЮ

Сергей Владимирович Комаров^{1✉}, Сергей Владимирович Поросенков²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ philos.perm@gmail.com

² svp53@mail.ru

Аннотация. Определение социального значения недоверия к гуманитарному знанию актуально как в теоретическом, так и в социально-практическом отношении. В теоретическом плане эта проблематика обогащает социально-философский анализ процессов доверия и недоверия в духовной сфере общества, а в социально-практическом плане исследование недоверия к гуманитарному знанию значимо для определения ценностных и методологических ориентиров социальных субъектов, вовлечённых в динамику отношений доверия и недоверия в практической деятельности, управлении, познании. В статье рассмотрены гносеологический и аксиологический аспекты недоверия к гуманитарному знанию, зависимость этого знания от регулятивного значения ценностей, включая политические ценности. Выявлены социальные формы недоверия к гуманитарному знанию и выделено значение процессов отчуждения, комплекса потребительства, роста узкой профессиональной специализации, техниклизма и технологизма, процессов глобализации. Сделан вывод об объективном значении недоверия к гуманитарному знанию в условиях универсализации, стандартизации, формирования единых социальных структур во всех сферах жизни общества, что влечёт отрицание национальной, религиозной, культурной специфики человека.

Ключевые слова: социальное значение, гуманитарное знание, доверие, недоверие, глобализация, ценности

Для цитирования: Комаров С. В., Поросенков С. В. Социальное значение недоверия к гуманитарному знанию // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 22–33. doi: 10.47475/1994-2796-2023-10103

Original title

THE SOCIAL SIGNIFICANCE OF DISTRUST OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Sergey V. Komarov^{1✉}, Sergey V. Porosenkov²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ philos.perm@gmail.com

² svp53@mail.ru

Abstract. The definition of the social significance of distrust of humanitarian knowledge is relevant both in theory and in socio-practical terms. Theoretically, this problem enriches the socio-philosophical analysis of the processes of trust and distrust in the spiritual sphere of society. And in socio-practical terms, the study of distrust of humanitarian knowledge is significant for determining the value and methodological guidelines of social actors involved in the dynamics of trust and distrust in practical activities, management, cognition. The article examines the epistemological and axiological aspects of distrust of humanitarian knowledge, the dependence of this knowledge on the regulatory meaning of values, including political values. The social forms of distrust of humanitarian knowledge are revealed and the significance of the processes of alienation, the complex of consumerism, the growth of narrow professional specialization, technicism and technologism, the processes of globalization are highlighted. The conclusion is made about the objective significance of distrust of humanitarian knowledge in the conditions of universalization, standardization, the formation of unified social structures in all spheres of society, which entails the denial of national, religious, cultural specifics of a person.

Keywords: social significance, humanitarian knowledge, trust, distrust, globalization, values

For citation: Komarov SV, Porosenkov SV. The social significance of distrust of humanitarian knowledge. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(1(471):22-33. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-10103

Введение

Возрастание значения динамики доверия и недоверия в обществе становится актуальным предметом исследования в современной социальной философии, социологии, социальной психологии. В исследованиях И. В. Глушко, Н. Лукмана, Э. Селигмена, П. Штомпки ставится проблема значения доверия и недоверия как психических процессов, ментальных установок, функций и вместе с тем детерминант социальных процессов. Доверие и недоверие в отношениях людей, в функционировании социальных институтов своим регулятивным воздействием на экономическую, социальную, политическую и духовную сферы жизни общества образуют комплексные детерминанты, которые сочетают в себе и собственную внутреннюю природу психических процессов, и социальное значение, которое фиксируется феноменами социального доверия и социального недоверия.

П. Штомпка, системно исследуя тенденцию повышения значимости динамики доверия и недоверия в современном обществе, выделяет проблему роста *недоверия к науке*. Он приходит к выводу о том, что «в настоящее время доверие в науке необходимо более, чем когда-либо, но мы наблюдаем зарождающиеся недоверие к этой области жизни, разочарование в ней широкой общественности» [25, с. 391]. При общем позитивном имидже науки в современном обществе существуют тенденции, отрицающие её значимость, фиксирующие скепсис в отношении её результативности и значимости для перспективного общественного развития. Исследователи указывают на отсутствие чётких критериев научности, влияние на реальную научную деятельность вненаучных факторов, «методологический анархизм» в проведении научных исследований и т. д. [18]. Очевидно, что действительная наука, реальная практика научных исследований отличаются от её образа, функционирующего в общественном сознании. Мнение действительных учёных давно заменено мнением так называемых экспертов.

В рамках этой тенденции среди всего научного знания именно гуманитарное знание в рамках этой тенденции может рассматриваться как область знания, вызывающая наиболее быстрый рост недоверия. Очевидно, что это связано с не-

доверием в современном обществе к многообразным ненаучным гуманитарным знаниям вообще. Провозглашение с политических трибун, в средствах массовой информации, в массовой культуре и т. д. приверженности к «гуманитарным ценностям», важности гуманитарного знания в жизни общества, важности разного рода гуманитарных институтов скрывает действительную тенденцию потери ценности этого знания в современном обществе, скрытое отрицание его значимости, потерю доверия к его эффективности.

Здесь необходимо учитывать различия в трактовке понятий *вера, доверие, недоверие*. В отличие от теологической трактовки веры, где вера — это исходное экзистенциальное отношение человека к объекту веры, которое предопределяет познавательное отношение, социальные отношения, моральные, эстетические и другие отношения, в философии и психологии вера рассматривается как познавательная способность принятия знания без фактических или теоретических доказательств. В вере как познавательной способности различаются акт веры и доверие. Акт веры представляет собой формальную динамику сознания субъекта веры, определяющую готовность к принятию знания. А доверие — это содержательная сторона веры, которая подразумевает положительное ценностное отношение субъекта к предмету веры [17, с. 121]. Главным здесь является то, что такое положительное отношение к другому человеку, социальному институту, явлению культуры, знанию сопровождается не только соответствующими психологическими процессами в индивидуальном или групповом сознании, но и регулирует поступки и действия субъектов веры. Соответственно недоверие характеризуется отрицательным ценностным отношением к предмету веры и сопровождается психическими процессами и регуляцией поступков и действий относительно предмета веры, противоположных доверию. Иначе говоря, доверие или недоверие определяет социальное поведение человека, его социальные действия и социальные процессы, обусловленные поведением массы людей.

С этой точки зрения вопрос о доверии и недоверии к научному гуманитарному знанию (и гуманитарному знанию вообще) становится

важной проблемой в понимании современных социальных процессов. Целью данной статьи является рассмотрение *форм, причин и социальных последствий* недоверия к гуманитарному знанию в современном обществе.

Недоверие к гуманитарному знанию должно быть рассмотрено в двух аспектах. В *гносеологическом* аспекте такое недоверие включает отрицание истинности этого знания или сомнения в истинности тех или иных знаний о человеке. В *аксиологическом* аспекте недоверие означает, что субъект признаёт гуманитарные знания не соответствующими моральным, религиозным, эстетическим, политическим и другим ценностям. При этом и в гносеологическом и в аксиологическом планах происходит отрицание субъектом регулятивного значения, ценностной составляющей этих знаний.

Рассмотрим эти аспекты недоверия к гуманитарному знанию последовательно.

1. Гносеологический аспект недоверия

В настоящий момент можно выявить ряд направлений развёртывания недоверия к гуманитарным наукам: «а) сокращение государственного финансирования гуманитарных наук; б) призывы к отказу от преподавания гуманитарных наук; в) бесполезность гуманитарных наук в силу невозможности оценить их деятельность в монетарном эквиваленте; г) общемировая тенденция ориентации на подготовку узкопрофессиональных специалистов без широкой гуманитарной подготовки; д) в России два десятилетия идёт реформа науки и образования, где гуманитарные науки наиболее страдают» [2, с. 22].

Форма умолчания также может свидетельствовать о недоверии к гуманитарному знанию. Например, такое умолчание присутствует в «Приоритетных направлениях развития науки, технологии и техники» (2011 г.), а это один из стратегических документов РФ. Гуманитарные науки в этом документе просто игнорируются.

Недоверие к гуманитарному знанию проявляется не только в России. Например, специалисты отмечают, что в современной Японии крайне сужен спектр гуманитарного образования. «Сегодня в Японии по официальной статистике 174 университета предлагают по одной(!) магистерской программе в какой-то из гуманитарных дисциплин» [5, с. 64]. И на этом фоне в Японии «министерство образования, спорта, туризма, науки и техники неожиданно объявило о намерении радикально редуцировать или вовсе закрыть за не-

надобностью факультеты гуманитарных наук в вузах страны» [Там же, с. 65]. Аналогичная ситуация наблюдается и в других развитых странах [8, с. 275].

Что же лежит за таким отношением к гуманитарному знанию? Можно выделить несколько причин, порождающих такое отношение и недоверие к гуманитарным наукам.

Во-первых, непосредственное сравнение гуманитарного и естественнонаучного и технического знания. Несмотря на то, что уже давно было обнаружено различие этих типов знаний, их специфика, особенности методов, различие в характере научного описания и объяснения, различие генезиса этих наук и т. п., сравнение этих типов знания основывается не на их характере и целях, а на их результатах, оцениваемых с утилитарной, экономической или политической точек зрения. Уже исследования В. Дильтея, Г. Риккерта, Г.-Г. Гадамера, М. Фуко, исследования аналитической философии показали различие этих типов знаний. Множество других исследований [18, с. 159–160] показали, что сравнение гуманитарных и естественных наук, гуманитарных и технических наук по этим критериям не отвечает существу гуманитарного знания. Это знание направлено на производство смыслов и ценностей, оно само задаёт рамку осмысленности научной деятельности в области технического или естественнонаучного знания, а потому не может «измеряться» критериями экономической пользы, монетизации результатов исследований или требованиями стратегической целесообразности.

Именно сравнение «результативности» гуманитарного знания на основе этих критериев говорит не в пользу последнего. Так, например, Ю. Привалов, М. Ожован, М. Лощинин, сопоставляя в историческом и методологическом контекстах естественные и гуманитарные науки, отмечают, что «в пределах своего предмета естественное знание может почти всё, гуманитарные знания почти везде бессильны» [18, с. 161]. К тому же «в современном гуманитарном знании нет ни одного достижения, сопоставимого с успехами любой малой отрасли естествознания, что бы мы ни взяли в качестве объекта сравнения» [18, с. 165]. Речь, конечно, идёт о всемирных и достижениях естественных наук в плане практического применения их результатов в экономической, хозяйственной жизни общества, в промышленности и быту. Эти результаты непосредственно зримы! Ничего подобного в гумани-

тарном знании мы не наблюдаем: несмотря на то, что вся повседневная жизнь человека наполнена смыслами, их эволюция, их влияние на сознание индивида, на социальные и политические действия ускользают от непосредственного эмпирического наблюдения.

Во-вторых, особенности и специфика организации самого научного гуманитарного знания также становятся основанием скепсиса в его отношении. Естественнонаучное и техническое знание, как правило, строятся на наблюдениях и экспериментах, их теории основаны на объяснении этих фактов и т. д. Конечно, как показали исследования Венского кружка и аналитической философии в середине XX в., в действительности теории в этих науках не являются «обобщением» эмпирических данных, но включают в себя множество «метафизических» элементов и не являются в своей логической структуре «строгим» знанием. Однако именно они выступают в качестве образца строгости и точности научного знания вообще [12, с. 272]. Применение этих критериев к гуманитарному знанию обнаруживает «нестрогость» его понятийного аппарата (смысл каждого понятия нужно определять контекстуально); в отличие от выверенных методов логического анализа и синтеза, индукции и дедукции методы герменевтики текста и интерпретации исторических фактов не обладают такой логической определённостью; в отличие от безусловного критерия достоверности в гуманитарном знании существует идеал множества версий предмета изучения и т. д. М. Фуко писал о «непреодолимом впечатлении расплывчатости, неточности, неопределённости, которое производят почти все гуманитарные науки» [24, с. 274]. «Гуманитарии не уверены в каждом своём принципиальном утверждении» [24, с. 179]. Примеры такого различия можно множить, но итогом является различие в понимании истины: истина как однозначный и общепринятый результат исследования и истина как множество версий предмета исследования. Ориентированные системой образования на строгость и точность, естествоиспытатели и «технари», очевидно, не могут принять недоверия значительной части гуманитарного знания! Отсюда и рождаются их скепсис, недоверие, а часто и враждебность в отношении гуманитарного знания.

В-третьих, отсутствие значимых и достоверных результатов, отсутствие строгости и математической логичности самого гуманитарного знания и его языка подкрепляются отсутствием их

общетеоретической основы. Казалось бы, такую функцию в отношении всего знания — а не только самих гуманитарных наук — должна играть философия. Действительно, она на протяжении своей истории долго выполняла роль «матери всех наук», и сейчас роль интеграции всего научного — и естественно-математического, и технического, и гуманитарного — знания должна играть философия. Более того, философия сама часть гуманитарного знания. Но философия плюралистична, и, соответственно, существует плюрализм философских концепций и плюрализм знаний о человеке. Это приводит к тому, что внутри самого гуманитарного знания нельзя найти, например, единой основы для понимания человека. Так, основоположники гуманистической психологии оценивали бихевиоризм и психоанализ как клевету на него. Если А. Маслоу обосновывал гуманистическую психологию, опираясь на философские идеи экзистенциализма, полагающего сущность человека экзистенциальной, то З. Фрейд, основоположник психоанализа, как и Уотсон, основоположник бихевиоризма, опирались на иные философские подходы в обосновании сущности человека. Так обстоит дело не только в психологии. Сущность человека божественна, сущность человека социальна, сущность человека биологическая, сущность человека экзистенциальная — перечень философских трактовок можно продолжить. Сегодня, определяя человека, приходится множить эти сущности, каждый раз выражая какие-то его несводимые друг к другу особенности. Гуманитарные науки, опираясь на различные концепции человека, отражают философский плюрализм. Этот плюрализм гуманитарного знания и отсутствие единой общепсихологической теоретической основы воспринимается как коренной порок гуманитарного знания, изъян в движении к научной истине. И это является ещё одним гносеологическим основанием недоверия к достижениям гуманитарных наук.

Можно сделать вывод, что в гносеологическом плане именно эти особенности гуманитарного знания составляют основу недоверия к гуманитарному знанию. Конечно, сам по себе плюрализм гуманитарного знания ещё не порождает недоверия, но отмеченные особенности создают возможность недоверия не только в гносеологическом, но и в аксиологическом аспекте.

2. Аксиологический аспект недоверия

В конечном итоге недоверие к гуманитарным наукам в обществе порождается различием

ценностей. Казалось бы, отмеченный выше плюрализм гуманитарного знания выступает «антидотом» против этого недоверия. Однако в действительности именно различие ценностей (идеалов) организации знания лежит в негативном отношении представителей естественных и технических наук к гуманитариям. В чём это выражается?

В первую очередь в отчуждении представителей естественных и технических дисциплин и гуманитарных наук. Большая часть творцов и реинтерпретаторов гуманитарного знания осуществляют деятельность в вузах. В негуманитарных вузах широко распространено недоверие к гуманитариям. Г. Е. Зборовский отмечает, что «в целом в системе высшего образования и подавляющем большинстве конкретных вузов между субъектами высшей школы доминирует отношение недоверия» [7, с. 18].

Это отчуждение диктуется в первую очередь различием в понимании идеалов строгости, точности, достоверности, общезначимости, проверяемости и т. д. самого научного знания. Это обусловлено самой системой обучения и подготовки специалиста в вузе: ценности и соответствующий образ мышления формируются исподволь, наряду с усвоением предметных знаний на протяжении всего срока обучения. Готовый выпускник вуза обладает «техническим» или «математическим» мировоззрением. Наличие цикла гуманитарных наук в программе обучения специалиста мало влияет на формирование такого мировоззрения. Несмотря на то, что в рамках существующей послевузовской научной подготовки (аспирантура) представители естественнонаучного и технического знания изучают государственный предмет «История и философия науки», одной из задач которого является понимание специфики каждого типа знания, это не приводит к возникновению доверия к гуманитарному знанию как равноправному.

Далее, как отмечают А. С. Соколов и Л. В. Южакова, «среди ряда специалистов существует мнение, что преподаватели гуманитарных дисциплин — это своего рода помеха в подготовке квалифицированных специалистов» [19, с. 90]. Это общераспространённая ситуация в большинстве вузов Российской Федерации, а выше отмечалась такая же тенденция в университетах большинства развитых стран. В условиях возрастания информации и объёма знаний, с одной стороны, сокращения часов на обучение (особенно в связи с переходом на Болонскую систему обучения)

естественно стремление руководства вузов и самих преподавателей специальных дисциплин сократить время «непрофильных», прежде всего гуманитарных дисциплин. Пока эта тенденция «сдерживается» Государственным стандартом, однако за ней явно просматривается оценочное негативное отношение к гуманитарным наукам: они не только «съедают» время подготовки специалиста, они — бесполезны или даже вообще вредны. Это, конечно, крайние оценки, но они отражают аксиологическое отношение к гуманитарным дисциплинам, как «пустому говорению», «софистике», «литературщине», как мнению о том, что «гуманитарные теории являются совершенно неэффективными как в технологическом, так и в теоретическом отношении» [21, с. 159].

Далее плюрализм гуманитарных наук приводит к тому, что такое ценностное отношение существует уже внутри самого гуманитарного знания. Речь идёт о недоверии к представителям другой точки зрения в науке. До некоторой степени такой момент существует и в естественных и технических науках, но большая степень общепринятости и общая теоретическая основа «сглаживает» это различие. А вот в гуманитарном знании очень часто обнаруживается, что иная точка зрения рассматривается как абсолютно ненаучная. Известно, что «чужаку» сложнее защитить диссертацию в другом вузе, где он часто попадает в ситуацию повторных обсуждений и доработок, хотя до этого прошёл все процедуры в своём вузе. Различие научных школ, методологических направлений, которые завязаны на различные смысловые поля тех или иных ценностей культуры, определяет формы недоверия уже внутри самого гуманитарного знания.

Наконец, можно говорить и о том, что достаточно явно выражена детерминация недоверия к гуманитарному знанию в аспекте его связи с идеологией. Гибкие понятия психологии, этики, культурологии, педагогики и других гуманитарных наук, раскрывающие качественные содержательные характеристики человека и его бытия, интегрируются в различные идеологические системы, и тем самым противостоят различным идеологиям, их взаимное отрицание проецируется на гуманитарное знание. Этому способствует упомянутое выше отсутствие общетеоретического фундамента гуманитарных наук, значительная вовлечённость этого знания в системы ценностных значений. Идеологизация гуманитарного знания в СССР была естественным следствием господства коммунистической идеологии. Мож-

но отметить, что в постсоветской России решение ввести кандидатский экзамен по истории философии науки взамен экзамена по философии одним из своих оснований имело именно недоверие к философии, обслуживающей идеологию.

Проявление недоверия к гуманитарному знанию вследствие его зависимости от идеологии, конечно, характеризует не только Россию. Абсолютно такая же зависимость существует и за рубежом; только эта идеологизация, проникающая в глубь гуманитарных наук, касается ценностей либеральной идеологии. Многие зарубежные исследования не только направлены на обоснование этих ценностей, но просто исходят из них. За примерами не нужно далеко ходить: проводимая Соросом концепция «открытого общества» была основанием при перестройке в середине 1990-х гг. всей системы образования на постсоветском пространстве. И сейчас развитие многих направлений гуманитарных исследований в экономике, политологии, социальной психологии, педагогике и даже истории исходит из системы либеральных ценностей как из истины в последней инстанции. За рубежом же эти ценностные установки вообще не подвергаются рефлексии научным сообществом; наоборот, всякие исследования, которые исходят из иных ценностных оснований, не просто не рассматриваются, они отвергаются как якобы «не научные». Хорошо известно, что гуманитариям из России опубликовать статьи в изданиях, индексируемых в Scopus или в Web of Science, значительно сложнее, чем представителям технических или естественных наук. Однако, если гуманитарий из России критикует в статье политику РФ или политическое руководство РФ, то и шансы быть опубликованным в зарубежных рейтинговых журналах существенно возрастают. Обнаружение подобных форм зависимости гуманитарных знаний от тех или иных идеологий становится основой недоверия не только к конкретному гуманитарному знанию, но и к гуманитарному знанию в целом.

Наконец, ещё одним фактором, имеющим аксиологические корни и влияющим на недоверие к гуманитарным наукам, является следующий. Речь идёт о так называемой монетизации гуманитарного знания. Нельзя забывать о том, что гуманитарные науки, так же как естественные и технические, являются частью науки как социального института. И в рамках государственной задачи управления развитием научных исследований уже с середины XX в. гуманитарное

знание так же, как естественнонаучное и техническое знание, начинает рассматриваться как важное направление государственной политики. Государство тратит большие ресурсы на развитие системы науки и образования, критерием эффективности которых является подготовка и решение важных народно-хозяйственных задач. И если в СССР финансирование науки и образования определялось не только прагматическими, но и идеологическими соображениями, то в новой России финансирование образования определяется во многом на основе утилитарной идеологии. В этих условиях вузы поставлены в положение эффективного использования бюджетных средств, развития коммерческой деятельности и т. д. Происходит «монетизация» вузовской деятельности: средства идут туда, где они быстро и эффективно окупаются, где можно получить зримый эффект от научно-исследовательской деятельности, отчитаться перед министерством и т. д. Понятно, что по этим требованиям гуманитарное знание прямо «проигрывает» естественнонаучным и техническим разработкам. Включение в критерии оценки вузов критерия публикационной активности в МБЦ также «работает» против этого. Введение этих критериев в эффективные контракты преподавателей-гуманитариев ставит их в заведомо худшее положение по сравнению с их коллегами-технарями или естествознайками: дискуссия, развернувшаяся в интернете по этой проблеме, показывает, что опубликоваться в рейтинговом зарубежном журнале по философии заведомо сложнее, чем, например, в журнале по химии или биологии. И это тоже связано, в конечном итоге, с различием в оценке «пользы» и «значения» гуманитарных наук в системе образования в целом.

Анализ аксиологического аспекта недооценки и недоверия к гуманитарным наукам ясно приводит к следующему выводу. В обществе в целом, в системе управления высшим образованием и в самих вузах сложилось неверное понимание специфики и назначения гуманитарного знания вообще. К нему и со стороны государства, и со стороны руководства образовательных учреждений часто применяют не соответствующие сущности этого знания критерии. При этом, даже если отдельные руководители хорошо понимают это (например, сами имеют соответствующее образование), в рамках решения задач управления всей системой образования эта специфика игнорируется. Поэтому возникает замкнутый круг: к гуманитарным наукам применяют неверные

критерии — гуманитарные науки не демонстрируют экономической и иной эффективности согласно этим критериям — это порождает к ним недоверие. И это утилитарное отношение к гуманитарному знанию подкрепляется представлением о его «идеологичности», «ненаучности» и даже «бесполезности».

3. Социальные формы недоверия к гуманитарному знанию

Рассмотрение гносеологического и аксиологического аспектов показывает, что недоверие к гуманитарному знанию обусловлено не только этим, но и детерминировано процессами, происходящими в обществе в целом. Ориентация на исследование детерминант и истоков недоверия к гуманитарному знанию, с одной стороны, предполагает опору на общее исследование глобальных социальных изменений, а с другой стороны, предполагает определение социального значения недоверия гуманитарному знанию, включая обратное воздействие этого недоверия на факторы, которые его обуславливают.

Здесь можно говорить о социальных процессах разного уровня. Непосредственными процессами, влияющими на формирование недоверия к гуманитарному знанию, является становление рынка и господство рыночных отношений.

Во-первых, это отношение к гуманитарному знанию непосредственных индивидов как носителей соответствующих гуманитарных ценностей. Действительно, определяющим фактором в этих условиях становится комплекс социально-экономических следствий доминирующего в современном обществе принципа частной собственности, образующего основу различных форм *отчуждения*. И. В. Глушко, исследуя детерминацию недоверия в современном обществе, полагает, что «отчуждение является наиболее значимой историко-культурной детерминантой, формирующей основания недоверия как ментальной установки» [4, с. 18]. В самом деле, в экономических детерминантах недоверия к гуманитарному знанию особое место занимает комплекс *потребительства*. Индивиды, как носители гуманитарных ценностей, в рыночных условиях быстро превращаются в их потребителей; они теперь не субъекты гуманитарного знания, а его утилитарные («квалифицированные» (!)) потребители. Человек в этих условиях не производит смыслы, а только потребляет их. Эти знания теперь необходимы не как совокупность смыс-

лов, определяющих поведение, деятельность и жизнь человека, а как соответствующие средства, с помощью которых индивид просто добивается своих утилитарных целей [23, с. 39–40]. Собственно, никакой гуманитарной, то есть «человекоразмерной» специфики у таких знаний нет; это только средства целесообразной (в пределе — экономической) деятельности наподобие технических знаний. Всё гуманитарное, ценностное, человечески-смысловое содержание из этих знаний улетучивается [13, с. 190–193].

Развитие потребительства, технологий создания спроса, с одной стороны, и технологий потребления, с другой стороны, оказывает воздействие на индивидуальное групповое сознание, формируя новое отношение к традиционным культурным ценностям и основанным на их содержании гуманитарных знаний. Потребительство определяет значительную манипулятивную составляющую гуманитарных знаний. Манипулирование убеждениями, психикой и поведением, языком предполагает выделение узкопрактических, технологических элементов гуманитарного знания, а исходные ценности и смыслы гуманитарных знаний становятся инструментом воздействия на людей и, будучи оторванными от своих культурно-исторических истоков, превращаются в элементы информационных потоков, рекламных сленгов, предписаний заинтересованных социальных субъектов.

В этих условиях неприятие гуманитарных дисциплин, их вытеснение из образовательной деятельности, снижение роли гуманитарной составляющей в развитии личности ещё больше ведут, с одной стороны, к росту индивидуализации, автономности отдельных социальных «атомов», а, с другой стороны, способствуют идентификации человека как элемента стандартизации социотехнических систем с формированием соответствующего мировоззрения. Отчуждение человека получает замкнутую форму, гуманитарные науки теряют своё собственно человеческое содержание; социальный индивид превращается в социальный атом, а знание превращается в систему готовой к потреблению информации.

Следующим, во-вторых, комплексом социальных факторов, определяющих отношение к гуманитарному знанию, является его утилитарная оценка со стороны не носителей (потребителей) этого знания, а субъектов рыночной деятельности. Осуществление деятельности со-

циальных субъектов с использованием гуманитарных знаний, которые придают легитимность и рациональную обоснованность этой деятельности, предполагает доверие к этим знаниям со стороны общества. Отсутствие прямых, количественно выраженных или монетизированных прагматических значений гуманитарного знания для государства, фирм, различных организаций, работодателей служит основой недоверия такому знанию со стороны этих социальных субъектов.

На уровне страны государство в целом и его органы, используя гуманитарные знания, ставят и решают задачи, которые могут стать и становятся объектом динамического взаимодействия доверия и недоверия. Выше мы рассматривали это на примере реализации государственной политики в системе образования. Тут нужно иметь в виду важное условие этого отношения государства к гуманитарному знанию: если используемые гуманитарные знания не вызывают доверия, то возникающее недоверие будет распространяться на государство и его органы.

Так, например, практически большая часть государства в той или иной форме ставит задачу борьбы с бедностью. Но знание бедности, которая включает в себя экономические, социологические, этические, психологические, антропологические и другие знания, не имеет научно обоснованного теоретически оформленного общезначимого содержания. Тем более, что знание о бедности, границах и условиях выживания части населения в различных странах зависит от политической ситуации, идеологии, испытывает влияние методологического и аксиологического плюрализма гуманитарных наук. Всё это ставит под вопрос объективную истинность и достоверность знаний о бедности. Вот одно из мнений экономистов: «что такое бедность? Где на шкале доходов кончается бедность и начинается достаток? — Это загадка сфинкса. Если принять во внимание, что курс на достаток (или благополучие) населения наряду с преодолением бедности составляет первоочередную широко афишируемую задачу многих современных правительств (в том числе России, Великобритании, Украины), то непонимание, игнорирование и невыяснение различия бедности и достатка дезориентирует власть и дискредитирует её усилия» [18, с. 169].

Таким образом, польза гуманитарного знания для субъектов рынка и государства в целом — неочевидна не только из-за трудностей выделе-

ния каких-то зависимостей в многообразии социальных процессов, но и в силу отсроченности такой пользы во времени. Поскольку формальные, количественные критерии становятся всё более значительными в условиях информатизации, то гуманитарное знание в считаемом прагматическом значении проигрывает естественно-научному и техническому знанию.

Наконец, в-третьих, можно говорить об общих глобальных процессах, влияющих на формирование недоверия к гуманитарному знанию. Такими глобальными процессами являются процессы универсализации, стандартизации, формирования единых структур в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни общества. Объективной технологической основой этих процессов выступают информационные технологии и мировое информационное пространство.

Наиболее фундаментальный уровень детерминации недоверия к гуманитарному знанию со стороны процессов глобализации реализуется в отрицании уникальности смыслов и ценностей, выработанных в культурно-историческом развитии общества, то есть смыслах и ценностях, определяющих содержание знаний о человеке. Поскольку все социальные структуры и деятельность отдельных субъектов от личности до ТНК и целых государств, объективно втягивающихся в процессы глобализации, становятся элементами этих процессов, то гуманитарные знания, этому не соответствующие, в самом общем плане перестают быть востребованы или вообще отрицаются как рудименты прошлого. Социальное значение недоверия к гуманитарным знаниям, не соответствующим тенденциям глобализации, заключается в том, что познавательная и практическая деятельность как отдельных личностей, так и разнообразных социальных субъектов, у которых формируется это недоверие, формируют знания и осуществляют деятельность, преобразующую или разрушающую социальные институты, общественные отношения, ценностные и нормативные системы локальных национальных, религиозных, политических и иных общностей.

Следует отметить, что процессы глобализации порождают и противоположную тенденцию, когда жёстко отрицаются процессы универсализации, стандартизации, формирования единых социальных структур во всех сферах жизни общества, а следовательно, отрицается сам принцип признания человека и социальных общностей

элементами, предопределяемыми и зависимыми от процессов глобализации. Стремление обосновать и защитить национальную, политическую, гражданскую, религиозную идентичность ведёт к недоверию к гуманитарному знанию, которое оправдывает и стимулирует глобализация. В этом случае недоверие к гуманитарному знанию принимает противоположные острые формы проявления, когда глобализация отождествляется с американизацией, китаизацией, европеизацией. Социальное значение недоверия к гуманитарному знанию в этом аспекте заключается в активизации деятельности социальных субъектов по защите и укреплению социальных институтов, общественных отношений, ценностных и нормативных систем локальных национальных, религиозных, политических и иных общностей. Например, происходит отрицание и размежевание внутри самого гуманитарного знания между старыми теориями, обусловленными глобализацией и интернационализацией науки, и «новейшими» теориями, соответствующими этим тенденциям защиты национальных интересов и традиционных ценностей¹. В познавательной сфере, идеологической деятельности, взаимодействии мировоззрений значение недоверия к гуманитарному знанию в антиглобалистском аспекте заключается в том, что происходит разобщение, углубление культурных и цивилизационных разломов, разделяющих локальные общности.

Конкретизацией общих социальных детерминант недоверия к гуманитарному знанию и одной из сторон процесса глобализации является общемировая объективная тенденция восстребованности узкопрофессиональных знаний. Разделение труда и повышенный рост узкой профессионализации ведут в профессиональном образовании, подготовке и переподготовке кадров к приоритету узкопрофессиональных знаний, неуклонному сокращению доли гуманитарных знаний. Однозначно фиксируемые практические преимущества специальных знаний по отношению к гуманитарным знаниям, польза которых неочевидна и опосредована множеством факторов, создают основу недоверия к гуманитарным знаниям. А. Каймулдина, изучая процесс гуманитаризации высшей технической школы США, обращает внимание

¹Здесь можно вспомнить не только «немецкую физику» времен Третьего рейха, но и новейший «традиционализм». См.: [6, с. 251–398].

на то, что «профессионализация высшего образования привела к увеличению узко-практических дисциплин в ущерб социально-гуманитарному образованию... Постоянно повышающиеся требования к профессиональным знаниям, которые жёстко отстаивает рынок, сегодня вступают в конкуренцию с общегуманитарной подготовкой специалиста, направленной на его развитие как личности» [9, с. 275].

Поэтому в условиях нарастания конкуренции, конфликтов, разобщения зависимость гуманитарного знания от политических идеологий не только сохранится, но, вероятно, будет нарастать, что будет определять рост недоверия к нему. Можно согласиться со следующим положением: «нет сомнения, что в наше историческое время, когда происходит смена мировых экономических лидеров, конфликтующие государства и далее будут склонять гуманитарную науку к обслуживанию своих политических интересов, и вряд ли она устоит» [18, с. 204].

Недоверие к гуманитарному знанию включено в общий процесс подчинения человека на личностном и социально-групповом уровнях социотехническим системам. Объективная логика развития больших производственно-технических систем, мегаполисов, финансовых систем во взаимодействии с унифицированными информационными технологиями определяет объективные безусловные требования к личности, социальной группе соответствовать в своих субъективных качествах, действиях, мировоззрении этим требованиям. И если религиозные, этические, социологические, экономические, педагогические и иные социально-гуманитарные знания, научные они или ненаучные, не соответствуют требованиям включённости и подчинения безличным, объективным социотехническим системам, то эти знания становятся объектом недоверия, а это недоверие в свою очередь имеет значение регулятора отбора социотехнически целесообразных знаний.

Общие выводы

Можно сделать следующие выводы на основании проведённого анализа социального значения недоверия к гуманитарному знанию.

1. В основе недоверия к гуманитарному знанию лежит его собственная познавательная специфика, не совпадающая с критериями достоверности и эффективности естественнонаучного и технического знания.

2. Приращение значимости гуманитарного зна-

ния связано с формированием утилитарного подхода к управлению системой образования. Ценности гуманитарного знания противоречат требованиям экономической и управленческой эффективности.

3. В рамках общества недоверие к гуманитарному знанию определяется господством рыночных отношений, формированием вместо соци-

ального индивида квалифицированного потребителя.

4. Глобальной основой недоверия к гуманитарному знанию являются процессы универсализации, стандартизации, формирования единых социальных структур во всех сферах жизни общества, отрицающие национальную, культурную, религиозную и т. п. специфику человека.

Список источников

1. Берков В. Ф. Опасный рубеж в модернизации сферы социально-гуманитарного образования // Социология. 2012. № 3. С. 77–79.
2. Воробьева О. В. О проблемах и перспективах развития гуманитарного образования в России // Высшее образование в России. 2019. № 11. С. 22–33.
3. Глушко И. В. Философская парадигма анализа недоверия // Общество: философия, история, культура. 2011. № 3–4. С. 47–50.
4. Глушко И. В. Доверие и недоверие как ментальная установка в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 15–20.
5. Долин А. А. Гуманитарное образование в Японии: невеликое в малом // История и современность. 2020. № 3 (37). С. 63–94.
6. Дугин А. Г. Русская вещь. Т. 1. М.: Арктогея, 2001.
7. Зборовский Г. Е. Ключевые проблемы доверия в высшем образовании: изучение и репрезентация // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (56). С. 17–25.
8. Ивин А. А. Современная философия науки. М.: Высш. шк., 2005. 592 с.
9. Каймулдина А. Особенности гуманитаризации высшей технической школы в США // Наука и новые технологии. 2010. № 4. С. 274–276.
10. Кошкин Р. П. Перспективы развития гуманитарных наук и гуманитарного образования // Стратегические приоритеты. 2020. № 3–4 (27–28). С. 101–109.
11. Курц П. Искушение потусторонним. М.: Академический проект, 1999. 608 с.
12. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск: Социум, 2010. 272 с.
13. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 210 с.
14. Лосев А. Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Сект Эмпирик. Соч. : в 2 т. М.: Мысль, 1975. 399 с.
15. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 418 с.
16. Окулова П. А. Становление теории социального недоверия в европейской социологии // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 210–216.
17. Пивоваров Д. В. Душа и вера. Оренбург: Изд-во ООИПК РО, 2003. 223 с.
18. Привалов Ю., Ожован М., Лощинин М. Как социологию и экономическое знание вернуть в семью объективных наук? Критика современного состояния гуманитарного знания. Часть I // European Researcher: SainesA. 2002. № 11 (3). С. 159–208.
19. Соколов А. С., Южакова Л. В. Некоторые проблемы гуманитарного образования инженера // Высшее образование в России. 2009. № 4. С. 90–93.
20. Соловьёв В. С. Кризис западной философии: (против позитивистов) // Соловьёв В. С. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1988. 822 с.
21. Суворов Г. В. Язык гуманитарного познания. О научности гуманитарных исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2020. № 3 (37). С. 156–161.
22. Тухватуллина Л. А. Онтологическая безопасность и суррогатное знание: о социальных основаниях недоверия к науке // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. 2020. № 55. С. 285–289.
23. Хьюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчёты, просчёты и сведение счетов. Минск : Экономпресс, 2006. С. 39–40.

24. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: Логос, 1994. 406 с.
25. Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с польс. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.

References

1. Berkov VF. Opasnyj rubezh v modernizacii sfery social'no-gumanitarnogo obrazovanija. *Sociologija*. 2012;(3):77-79. (In Russ.).
2. Dolin AA. Gumanitarnoe obrazovanie v Japonii: nevelikoe v malom. *Istorija i sovremennost'*. 2020;(3):63-94. (In Russ.).
3. Dugin AG. Russkaja veshh'. Vol. 1. Moscow: Arktogeja; 2001. (In Russ.).
4. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk. Saint Petersburg: Logos; 1994. 406 p. (In Russ.).
5. Glushko IV. Filosofskaja paradigma analiza nedoverija. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. 2011;(3-4):47-50. (In Russ.).
6. Glushko IV. Doverie i nedoverie kak mental'naja ustanovka v rossijskom obshhestve. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2016;(7):15-20. (In Russ.).
7. Hjubner B. Smysl v bes-SMYSLENNOE vremja: metafizicheskie raschety, proschety i svedenie schetov. Minsk: Jekonompress; 2006. (In Russ.).
8. Ivin AA. Sovremennaja filosofija nauki. Moscow: Vysshaya shkola; 2005. 592 p. (In Russ.).
9. Kajmul'dina A. Osobennosti gumanitarizacii vysshej tehničeskoj shkoly v SShA. *Nauka i novye tehnologii*. 2010;(4):274-276. (In Russ.).
10. Kojen M, Nagel' Je. Vvedenie v logiku i nauchnyj metod. Cheljabinsk: Socium; 2010. 272 p. (In Russ.).
11. Koshkin RP. Perspektivy razvitija gumanitarnyh nauk i gumanitarnogo obrazovanija. *Strategičeskie prioritety*. 2020;(3-4):101-109. (In Russ.).
12. Kurc P. Iskushenie potustoronnim. Moscow: Akademicheskij proekt; 1999. 608 p. (In Russ.).
13. Laval' K. Chelovek jekonomičeskij. Jesse o proishozhdenii neoliberalizma. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 210 p. (In Russ.).
14. Losev AF. Kul'turno-istoričeskoe značenie antičnogo skepticizma i dejatel'nost' Seksta Jempirika. Sekt Jempirik. Sočineniya. V 2 vol. Moscow: Mysl'; 1975. 399 p. (In Russ.).
15. Mamardashvili MK. Kak ja ponimaju filosofiju. Moscow: Progress; 1990. 418 p. (In Russ.).
16. Okulova PA. Stanovlenie teorii social'nogo nedoverija v evropejskoj sociologii. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2010;(2):210-216. (In Russ.).
17. Pivovarov DV. Dusha i vera. Orenburg: OOIPK RO; 2003. 223 p. (In Russ.).
18. Privalov Ju, Ozhovan M, Loshhinin M. Kak sociologiju i jekonomičeskoe znanie vernut' v sem'ju ob'ektivnyh nauk? (In Russ.). Kritika sovremennogo sostojanija gumanitarnogo znaniya. Chast' I. *European Researcher: Saines A*. 2002;(11):159-208. (In Russ.).
19. Sokolov AS, Juzhakova LV. Nekotorye problemy gumanitarnogo obrazovanija inženera. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2009;(4):90-93. (In Russ.).
20. Solov'ev VS. Krizis zapadnoj filosofii: (protiv pozitivistov). Sočineniya v 2 t. Moscow: Mysl'; 1988. 822 p. (In Russ.).
21. Suvorov GV. Jazyk gumanitarnogo poznanija. O nauchnosti gumanitarnyh issledovanij. *Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filosofija*. 2020;(3):156-161. (In Russ.).
22. Tuhvatullina LA. Ontologičeskaja bezopasnost' i surrogatnoe znanie: o social'nyh osnovanijah nedoverija k nauke. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija, sociologija, politologija*. 2020;(55):285-289. (In Russ.).
23. Shtompka P. Doverie — osnova obshhestva. Moscow: Logos; 2012. 440 p. (In Russ.).
24. Vorob'eva OV. O problemah i perspektivah razvitija gumanitarnogo obrazovanija v Rossii. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2019;(11):22-33. (In Russ.).
25. Zborovskij GE. Ključevye problemy doverija v vysshem obrazovanii: izučenie i re-prezentacija. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*. 2018;(5):17-25. (In Russ.).

Информация об авторах

С. В. Комаров — доктор философских наук, доцент.

С. В. Поросенков — доктор философских наук, доцент.

Information about authors

S. V. Komarov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

S. V. Porosenkov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 18.12.2022; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 18.12.2022; approved after reviewing 12.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.